

РОССИЙСКИЙ ЧЕЛОВЕК: МНОГООБРАЗИЕ БЕЗ ЕДИНСТВА?

В.Н. ШЕВЧЕНКО

Современные направления антропологических исследований чрезвычайно многообразны. Поворот к антропологически ориентированному знанию в общественной мысли в России за последние десятилетия отмечен возникновением целого ряда достаточно самостоятельных дисциплин, у которых один общий объект исследования – человек.

Социально-философская антропология в нашей стране (в отличие от философской антропологии) находится в стадии становления. Причины здесь разные. Они связаны не только с продолжающимися поисками социальной философией с начала 90-х годов новых мировоззренческих и методологических ориентиров и принципов, и этот поиск далеко еще не закончен. Наибольшую сложность для ее становления представляет нынешняя познавательная ситуация. С одной стороны, сама российская социальная реальность становится все более текучей и неопределенной. А с другой – сегодня для описания и объяснения общественных процессов прошлого и настоящего нет адекватного категориального, понятийного аппарата как в конкретных социальных науках, так и в социально-философском знании. Тот аппарат, который выработан в ходе изучения западного социума, так же, как и аппарат, доставшийся от советских времен, плохо подходит для создания современной теории российского общества. Возможно, что решающую роль в осмыслении сложившейся ситуации с понятийным аппаратом сможет сыграть антропологический подход к анализу путей развития российского общества в прошлом и настоящем.

Естественно, возникает вопрос, почему в центре внимания исследования оказалось российское государство, а не российское общество. Особенности российской истории таковы, что на протяжении столетий общество было полностью или почти полностью поглощено государством. В литературе термин общество употребляется весьма много-

планово. Сложилось такое словоупотребление, когда социальное бытие в мире, социальная форма движения материи, социум, социальная реальность выступают синонимами общества. Наряду с этим обычно говорят и о конкретных формах общества, таких, как первобытный строй, восточная деспотия, империя инков, московское царство. Ведь они — тоже различные общества и вместе с тем государства. Видимо, здесь вряд ли возможно окончательное решение и проведение строгих разграничительных линий. В любом случае содержание термина определяется контекстом.

С появлением первых, еще несовершенных, форм либерального (буржуазного) государства, когда радикально меняется его природа, возникает реальная проблема противостояния государства и общества именно как становящегося гражданского общества, когда люди в каких-то важных своих действиях и отношениях освобождаются от всепроникающей опеки государства.

Применительно к российской истории, да и в определяющей степени к сегодняшнему ее периоду приходится говорить о российском государстве, поскольку оно так или иначе занимается или не занимается формированием гражданского общества, хотя обратное воздействие носит в последнее время заметный характер. В этом особенность российской истории, имеющая фундаментальные последствия для российского человека и сегодня, и в обозримом будущем.

Антропологическое измерение — это тот **тип человека**, который российское государство должно задавать с тем, чтобы оно могло не просто существовать, но и воспроизводить себя в историческом пространстве времени.

Российское государство имеет свои онтологические основания. Применительно к социальному бытию онтология может мыслиться только как развивающаяся онтология. Сокровенные смыслы онтологии государства обнаруживаются в его антропологии. Тайна онтологии российского государства есть его антропология. Если с российским государством происходит что-то неладное, то это, прежде всего, находит свое отражение в его антропологическом, человеческом измерении.

Онтология есть долженствование. Она задает формат, параметры должного человеческого бытия. Подчеркнем еще раз, речь идет не о конкретном человеке, речь идет о типологических чертах человека. Но одно дело — это государство определенного исторического типа, когда антропологический облик государства просматривается довольно четко. Другое дело, когда государство переживает глубинные социальные потрясения, состояние перехода от одного исторического типа к другому. В этом случае тип человека, задаваемый государством, с большим трудом поддается осмыслению и именно сегодня можно наблюдать такого рода ситуацию.

Власть государства далеко не всегда отдает себе отчет в том, человека какого формата государство как онтологическая реальность задает фактом своего бытия в мире. Здесь как раз и возникает проблема антропологических оснований политики.

Одно дело — долженствование, другое дело — реальная политика государственной власти. Антропологический формат, задаваемый фактом бытия государства, вступает в весьма сложное взаимодействие с политической практикой первого лица, правящей элиты, что сказывается на конкретном поведении людей, на их повседневной жизни, в том числе и на проявлении тех или иных черт национального характера русских (россиян), и на их отношении к самому государству. Это взаимодействие носит весьма сложный характер, которое приводило не один раз к совершенно непредсказуемым социальным последствиям. Методология исследования российского государства включает в себя признание закономерных этапов в развитии человеческой истории. Существуют различные принципы периодизации истории.

В одной системе отсчета выделяются — традиционное общество, или общество домодерна, затем современное общество, или общество классического модерна и, наконец, постсовременное общество, или общество постмодерна.

В другой системе отсчета выделяются: доиндустриальное общество — индустриальное общество и постиндустриальное общество, которое в своем развитом виде все боль-

ше обнаруживает себя сегодня как информационное общество, общество знания и т.д.

Наконец, в третьей системе отсчета, восходящей к Марксовой концепции исторического процесса, развитие общества рассматривается как закономерная смена формаций. В этом случае выделяются доэкономический этап в развитии общества, большая экономическая общественная формация, которая, в свою очередь, включает в себя азиатский способ производства, Античность, феодальное общество, общество классического индустриального капитализма, превратившееся к началу XXI в. в общество информационного капитализма, и грядущее постэкономическое общество.

В любом случае можно говорить о трех основных этапах в историческом развитии общества и соответственно о трех исторических типах человека. С нашей точки зрения, представления о формационных этапах с позиций классического марксизма должны дополняться важными выводами и обобщениями, полученными в других интерпретациях хода истории.

Если говорить о выживании и дальнейшем прогрессе человечества, то здесь нет никакой предопределенности. Это будет или общество нового социализма, социализма XXI века, основанного на постматериальных, постэкономических ценностях, на культуре как главной детерминанте развития. Но вполне вероятна и другая альтернатива — неолиберальная глобальная империя, властно-бюрократические элиты которой будут управлять массами остальных людей с помощью новейших достижений науки и эффективных информационных технологий, направленных на установление мощных разделительных культурных барьеров.

Сегодня можно констатировать возникновение в России неотрадиционалистского государства. Можно по-разному оценивать этот очевидный исторический факт, но причины этого обстоятельства следующие.

Российскому государству не удалось совершить два радикальных исторических прорыва.

Первая неудача постигла российское государство в связи с попыткой реализации проекта классического модерна, которая обнаружила себя в революции 1917 г. Но револю-

ция 1917 г., или управленческая катастрофа, приведшая к распаду государства, оказалась вместе с тем и колоссальной антропологической трагедией России. Одним из ее проявлений стала Гражданская война, которая привела к гибели многих миллионов людей, к антропологическому регрессу, который преодолевался впоследствии страной через огромные трудности и затратные усилия.

Вторая неудача связана с гибелью советского государственного строя и с новой попыткой реализовать проект классического модерна, когда время его возможной реализации давно ушло в прошлое. Она обнаружила себя в распаде СССР, в провале радикальных либеральных реформ, в реальной угрозе распада Российской Федерации в конце 90-х г. и в массовом вымирании российских граждан. Ответом на это историческое поражение и стало возникновение неотрадиционалистского государства, которое пока не признает своего поражения в повторной реализации проекта классического модерна. Но сам факт появления неотрадиционалистского государства говорит за себя лучше всяких объяснений. Новую, постсоветскую Россию, Российскую Федерацию постигла огромная антропологическая трагедия, и она далека от своего окончания.

Центральная проблема состоит в том, чтобы проследить, как менялся при этих поворотах российской истории антропологический облик российского государства, который по-прежнему являет собой нечто иное, нежели антропологический облик западного государства. В ответе на вопрос, каков современный антропологический тип российского государства, сегодня нет никакой определенности.

Суть дела состоит в том, что различные типы человека, которые задавались в российской истории государством, по-прежнему присутствуют и взаимодействуют между собой на постсоветском пространстве. Какие они? Можно говорить о следующих типах.

1. **Человек традиции**, который частично воспроизводится в обществе стихийно, частично формируется под влиянием определенных действий власти и церкви, различных общественных движений. Человек традиции есть, прежде всего, человек государства, подданный государства.

Человек традиции — это человек сословный. Важно отметить, что анализ сословного положения человека в российском обществе нередко подменяется в отечественной литературе описанием человека общинного. Отсюда опасность идеализации традиционного человека. Наконец, человек традиции — это человек публично религиозный.

Жесткая нормативность человека традиции очевидна. Но реальное государство в своей политике может, как угодно далеко, отклоняться от создаваемой правящей элитой идеальной модели. Естественно, что в мыслях и в поведении человека в таких случаях возникают разные отклонения, как порождения такого несоответствия. Отклонения от нормы могут быть не только результатом политики конкретного первого лица, но и следствием невозможности руководствоваться нормой в виду сложившихся исторических обстоятельств.

По-видимому, как для верховной власти в традиционном государстве, так и для человека традиции, любые нормы имеют оборотную сторону. Причем здесь нет полутонов, при отклонении от нормы человек традиции не сталкивается с ограничениями культурного характера. В сознании государства и человека отсутствует то, что Н.А. Бердяев называл средней, или срединной культурой. И потому человеку традиции оказывается вполне доступной другая крайность. Существуют исторически сложившиеся в России механизмы «раскачивания» положительной нормы. При достижении некоторого критического рубежа происходит ее оборачивание.

2. Антропологическая революция на Западе в XVI—XVII вв. явилась частью огромной мировоззренческой, научной и социальной революции. Вообще говоря, европейский опыт свидетельствует, что переход от традиционного, феодального общества к современному, капиталистическому строю, от человека традиции к человеку разума мог осуществиться только на путях антифеодальной революции.

Место традиции как универсального способа решения проблем в ментальности нового человека занимает Разум именно как монологичный Разум. Эпоха Просвещения формулирует основные положения, параметры нового совре-

менного общества (общества модерна), идущего на смену традиционному обществу. Модерн — это практическая реализация требований Разума применительно ко всем сферам в его деятельности: к природе, обществу, мышлению, проверка их на разумность, на то, отвечает ли их устройство человеческой природе. Разум отождествлялся с моралью и правом. Всякое «неразумие» подлежало уничтожению с тем, чтобы на чистом месте можно было построить общество на разумной, законодательной основе. Но поскольку человек разумный есть также человек рациональный, человек рации, то появляется и принципиально новый тип рациональности — научная рациональность. В обществе модерна утверждается также принципиально новый тип государственного устройства и новый тип человека.

Новый человек — это человек-гражданин, живущий в системе политических и иных отношений, институтов, связей — выборы, партии, забастовки и т.д.. Это *человек светский*, т.е. толерантный, лишенный воинствующего отношения к религии, наделенный по конституции положительно понимаемой свободой, в том числе, что важно отметить, свободой в сфере экономики. Это человек-индивидуалист, который научается жить в сфере вещных, товарно-денежных отношений и рассчитывать на себя — на смекалку и ум.

Возникновение общества модерна, которое должно было строиться по законам науки, по лекалам разума (это общество можно назвать также социологическим обществом) явилось большим достижением Запада. Собственно с этой целью и провозглашается О. Контом необходимость создания научной дисциплины — социологии, которая позволяет конструировать, конкретно, в цифрах рассчитывать контуры этого правильного общества и направлять его по пути прогресса к намеченной цели. Появление в этом смысле человека разума (человека «социологического») есть огромный скачок в развитии антропологического измерения государства. При всех проявлениях эксплуатации, социального неравенства, дискриминации человека социологического, живущего и действующего в сложно устроенном социуме, несомненно, его нужно поставить выше человека государственного, живущего в строгой вертикали

власти, в системе прямого господства и подчинения, личной зависимости.

Специфической чертой западного общества становится стихийность развития общества по пути Прогресса, которая порождается, так или иначе, самим характером рыночных отношений, периодически возникающими структурными и системными кризисами капиталистической экономики. Самодовлеющее развитие институциональных структур и отношений позволяет говорить об отчужденном характере отношений человека и социума, в известном смысле о враждебности мира социума к человеку.

3. *Человек идеологический*, сохраняющийся в огромных масштабах с советских времен в недрах современного российского общества. Прогрессистские иллюзии относительно возможностей разумного устройства общества были окончательно похоронены с началом Первой мировой войны. Европейское пространство становится ареной фронтального столкновения тотальных классовых идеологий. Последнее обстоятельство во многом помогает понять причины появления нового исторического типа — советского человека, который стал результатом господства в обществе тотальной идеологии. До сих пор советский человек весьма редко выступает предметом научного исследования, основная масса публикаций носит тенденциозный характер. Идеологический человек являет собой антропологическое измерение советского государства. В советском человеке главное — это то, что он человек государственный, с присущими ему чувствами интернационализма и патриотизма, это человек-коллективист, человек, высоко ценящий науку и образование.

Идеология носит в советском государстве жестко унифицирующий характер, она выступает социальной нормой для осмысления советским человеком общества, его истории, настоящего и будущего, оказывает влияние на формирование личной мотивации поступков и действий.

4. *Человек общества постсовременности*, или человек постмодерна, который реализуется в разной степени в странах «золотого миллиарда». На верхней ступени социальной лестницы стоит человек радио, человек, стремящийся по-

прежнему к богатству и власти через применение теперь уже современных достижений гуманитарной науки и информационных технологий. На другой, нижней, ступени стоит человек манипулируемый.

В новой России человек манипулируемый стал быстро сменять человека идеологического. Это происходило и происходит в условиях, когда в обществе только начали возникать и укрепляться первые ростки гражданского общества. Последствия этого процесса в России радикально отличались от последствий на Западе. Россия попыталась сделать скачок сразу от человека идеологического к массовому обществу, минуя этап гражданского общества.

Главная черта человека манипулируемого — это его асоциальность, она дает в новой России поразительные по своей опасности результаты. Асоциальность, как продукт негативной социальности, ведет к энергичному разрушению прежнего идеологического каркаса общества, к распаду ранее устойчивой и предсказуемой системы отношений между людьми. Вместо возникновения западного типа социальности как растущего богатства связей, отношений, рационально выстроенных и эффективно работающих социальных институтов, происходит провал большинства людей в этническую или региональную социальность. Последняя оказывается для них единственной возможностью обрести какие-то устойчивые связи с другими людьми, новые духовные, нравственные ориентиры в жизни взамен разрушенной прежней системы ценностей. Все это становится питательной почвой для сепаратистских и националистических настроений.

Наконец, асоциальность при отсутствии как прежних идеологических скреп в обществе, так и развитых институтов гражданского общества ведет к девиантному поведению в массовых масштабах, особенно в среде подростков, и к массовой криминализации общества — от мата и блатных песен до повальных поборов, взяточничества и коррупции.

Уход государства от стратегического управления сложными процессами реформирования общества еще более усугубляет социальный беспорядок, хаос, резкий рост преступности в обществе. Криминализация общества стала

фактором, угрожающим самым основам организованной жизни людей.

В целом, ситуация к концу 90-х годов была просто ошеломляющей. Началось массовое вымирание населения России, прежде всего, русского населения, что позволило некоторым авторам даже говорить о геноциде русского народа.

Одним словом, современный массовый человек стал вести себя как человек агосударственный, выпавший из государства.

5. Человек культуры — это человек знаний, человек гуманный, свободная творческая универсальная личность в отличие от частичного человека, индивидуалиста, порожденного эпохой классического капитализма.

Наука как всеобщий труд, как процесс и результат, становится важнейшим условием трудовой деятельности современного человека во всех сферах общественной жизни. Теоретическое знание невозможно приватизировать, превратить в частную собственность отдельных лиц.

Человек культуры может существовать тогда, когда ему принадлежит наука, все духовное богатство, когда это богатство становится общественным богатством, собственностью каждого на все общественное богатство. Только наличие общественного богатства делает человека духовно богатым существом. Его богатство состоит в тех неограниченных возможностях, которые открываются перед ним для его собственного индивидуального развития. В назревающей духовной революции мирового масштаба, в отказе от ценностей и целей техногенной цивилизации, от ее образа жизни можно усмотреть черты нового, формирующегося человека культуры.

Таковы основные исторические типы человеческого измерения государства и общества, которые существуют сегодня на постсоветском пространстве.

На рубеже веков и тысячелетий антропологическая катастрофа происходила вместе с государственной катастрофой. Россия оказалась на грани распада.

Глубоко символично и закономерно, что новое российское государство после преодоления этой угрозы становится

ся неотрадиционалистским в своей основе, т.е. воспроизводит инвариант, неизменные институциональные «матрицы» как государственности, так и экономики, свойственные России на протяжении, по крайней мере, последних четырех — пяти столетий.

В последнее десятилетие была заново выстроена вертикаль власти, что само по себе является правильным и исторически своевременным решением, хотя это обстоятельство порождает знакомые по прежним системам власти неприглядные и порой опасные черты поведения правящей элиты: появление клановости в окол властных структурах, выдвижение на первое место не деловых качеств, а личных отношений при назначении на руководящие должности в аппарате. Вновь преимущественное положение в обществе принадлежит системе государственных отношений господства и подчинения, личной зависимости, как на федеральном, так и на региональном уровне.

Российские либералы западной ориентации весьма настойчиво призывают полностью отказаться от традиционного, т.е. авторитарного начала в устройстве современного российского государства. Однако в основе этого лежат доводы в основном политического характера. Здесь не принимается во внимание необходимость в создании прочных социальных связей между людьми, соединяющих различные сегменты общества в единое целое. В сложившейся ситуации по-прежнему весьма незначительную роль играют вещные, товарно-денежные отношения как определяющая форма общественных, а не только экономических отношений. Скорее всего, в России будет и дальше складываться и укрепляться свойственная отечественной экономике разновидность рынка — административный рынок, как наиболее устойчивый по сравнению с другими тип социальной связи в обществе между различными экономическими структурами и социальными субъектами.

В такой ситуации антропологическое измерение нового российского государства естественно не приобрел и не может приобрести стойких очертаний. Возникло столько странных сочетаний в головах и поведении людей, что конкретные их проявления порою превосходят любое вообра-

жение. Детальный анализ этой ситуации дал Ж.Т. Тощенко в своей работе «Человек парадоксальный» (М., 2001), в которой он показал, как реально могут сосуществовать несовместимые начала в оценке современного состояния политики, экономики, культуры и т.д. в индивидуальном и коллективных представлениях в российском обществе. Автор называет «людьми-кентаврами» таких реально живущих людей и утверждает, что подобные состояния «не каприз, и даже не исключение, а, скорее всего, норма для homo sapiens and sensis» (С. 111). Поддержанная им идея создания новой научной дисциплины — кентавристики, при всей оригинальности названия, может оказаться весьма продуктивной. Какой тип российского человека возобладает, зависит от того, какой жизнеспособный тип российского государства утвердится в стране на обозримое будущее.